

произведениях, в данном случае привлекли не только славная трудовая биография героя, его боевое прошлое, но и личные, семейные проблемы, которым не находилось простого решения. Здесь особенно ярко проявилось характерное для К. стремление показать человека в единстве его чувств и действий.

Особым успехом пользовалась заключительная книга повествования — роман **«Дерзание»** (1958), — переведенная на 25 яз. Критика того времени назвала **«Дерзание»** подлинной творческой победой писательницы за углубленную худож. разработку характеров центральных персонажей, за расширение и типологизацию сюжетобразующего конфликта, за заострение полемической основы произведения. Хотя, с другой стороны, по-прежнему К. упрекали за «неровность художественной ткани, длинноты, излишние детали и целые линии, ненужные бытовые подробности и эпизоды, написанные в приторно-сентиментальном стиле» (Эльшевич А. На решающем рубеже // Звезда. 1959. № 4. С. 183).

В 1960-е писательница заинтересовалась историей становления советской власти в Оренбуржье, летописью борьбы железнодорожников и беднейших крестьян против Оренбургского казачьего войска и его атамана Дутова. Она начинает работу над трилогией **«На Урале-реке»** (1969–84), привлекая широкого читателя не только точностью изображения известных событий, но новизной исторических фактов и документов, включенных в текст. Но даже последнее обстоятельство не избавило повествование от идеологического схематизма, особенно ярко проявившегося на страницах, посвященных политическим дискуссиям коммунистов с эсерами и меньшевиками.

Последней лит. работой К. стал сб. из 22 рассказов о зверях и птицах, написанный специально для Детгиза.

К. награждена двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов и медалями.

Соч.: СС: в 6 т. М., 1972–75; СС: в 6 т. М., 1987; Иван Иванович: К обсуждению романа. Калинин, 1951; Радость жизни: Рассказы для старшего и среднего школьного возраста. Якутск. 1987; Автобиография // Советские писатели: Автобиографии. М. 1988. С. 296–304.

Лит.: Светов Ф. Прав или виноват Иван Иванович // Знамя. 1959. № 2; Эльшевич А. На решающем рубеже // Звезда. 1959. № 4; Шленский Е. В. И. Проблемы и характеры в творчестве Антонины Коптяевой. М., 1979; Шленский Е. В. И. Творчество Антонины Коптяевой и некоторые тенденции развития советской прозы 40–70-х. М., 1985.

Н. С. Цветова

В. Л. Корвин-Пиотровский

КОРВИН-ПИОТРОВСКИЙ Владимир Львович [1891, Белая Церковь — 2.4.1966, Лос-Анджелес] — поэт.

К. происходил из старинной дворянской семьи. Первую книгу стихов, о которой никогда впоследствии не вспоминал, выпустил в 1913 совместно с Виктором Якериным в Киеве тиражом 500 экземпляров. Сб. был подписан «Владимир Пиотровский», что и стало авторским именем поэта до 1945. Называлась эта книга **«Стихотворения. Вып. 1»**. Видимо, подразумевались и последующие выпуски, но вскоре началась мировая война. На фронте К. стал офицером-артиллеристом, в Гражданскую войну сражался в белых отрядах, базировавшихся на территории Польши. Попал в плен и был, по его словам, «чрезвычайно неумело расстрелян красными партизанами». После поражения Белого движения К. из Польши прямо в военной форме очутился в Берлине, который был одним из центров русской эмиграции. К. включился в лит. жизнь, став руководителем отдела поэзии в созданном А. Дроздовым ж. «Сполохи». В этом ж. была опубликована одна из первых поэм К. **«Звериной тропой»**. Сотрудничал К. также в берлинской газ. «Руль» и в парижском ж. «Русские записки», напечатал несколько стих. в ж. «Жар-птица».

К. поддержал идею А. Дроздова о создании летом 1922 содружества писателей «Веретено», стал его участником. В первом номере выпущенного содружеством альм. «Веретено» было опубликовано стих. К.

«**Полынь-город**». Однако долго эта организация не просуществовала. Членам содружества удалось организовать всего 2 своих публичных выступления. Второе выступление, ставшее последним, состоялось 12 нояб. 1922 в берлинском кафе «Леон». На вечере с чтением своих произведений вместе с К. выступили Гл. Алексеев, В. Лидин, О. Савич и др. Этот вечер был последним перед расколом содружества «Веретено». В дек. К. и Гл. Алексеев заявили о выходе из него. В 1922 в издании И. П. Ладыжникова вышли две небольшие книги сказок для детей — «**Светлый домик**» и «**Погремушки**», в Данциге — книга рассказов К. «**Крик из ночи**», а в Берлине — другой сб. — «**Причуды господина аббата**». Рассказы эти, написанные с привкусом дешевой эротики, К. в дальнейшем в список своих произведений не включал, как, впрочем, и первый свой поэтический сб. «**Полынь и звезды**» (1923), в котором чувствовалось заметное влияние Есенина и имажинистов. Хотя встречены эти стихи были достаточно доброжелательно: «Читая распадающуюся на три цикла книгу стихов Вл. Пиотровского, надо признать, что этот поэт кроме влияния имеет и свое (Новая русская книга. 1923. № 2).

В начале 1923 в Берлине вышел альм. «Струги» под редакцией К. Там, помимо стихов Б. Пастернака, В. Ходасевича, М. Цветаевой, отрывков из еще не вышедшего романа И. Эренбурга «Жизнь и гибель Николая Курбова», были напечатаны и стихи К. «**Святогор-скит**». И. Эренбург, оценив в письме В. Лидину альм. как издание «терпимое», о своем одногодке К. сообщил: «Редактор их [„Струг“] мальчишка — Пиотровский» (Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург: Хроника. СПб., 1993. С. 301). Стихи К. вошли и в выпущенную в Берлине антологию «Из новых поэтов» (1923).

В 1924 вышла еще одна детская книжка К. «**Веселые безделки**», а в 1925 — второй сб. его стихов «**Каменная любовь**». Этот сб. положительно оценила советская критика (что было в те годы редкостью), изначально негативно относящаяся к эмигрантской лит-ре: «Для эмигрантской литературы характерно, что за все восемь лет она не дала ни одного нового и свежего имени. Литературно-эмигрантская молодежь не блещет талантами, и только один Вл. Пиотровский, как исключение, заслуживает упоминания. В последней его книге „Каменная любовь“ (изд. „Волга“, Берлин, 1925 год) есть немало хороших стихотворений. В его стихах чувствуется приподнятость, мудрое ощущение

земли, ее мощи и здоровья... Но Пиотровский, как и все эмигрантские писатели и поэты, целиком во власти старины: он воскрешает в своих стихах звон древних половецких мечей, ржание славянских скакунов, тележную тоску Игорева похода и лебяжьи крики степной, боевой тревоги: „Бродит в снах колокольный звон — / Ты коня, молодец, пусти — / Половчанку бери в полон“. Он очень тонко чувствует природу, и его образительные средства богаты и щедрны» (Смирнов Н. На том берегу // Новый мир. 1926. № 6. С. 141). К концу 1920-х К. вновь попробовал себя в прозе и написал роман «**Атлантида под водой**» (1928), рассказы «**По разрушенной жизни**» и «**Русский Парнас**» (1931), а в поэзии появился цикл К. «**Стихи к Пушкину**», напечатанный в первом сб. стихов берлинских поэтов «Новоселье» (1931), по несложку стих. во втором сб. — «Роща» (1932) и третьем — «Невод» (1933).

К. в своей жизни был обидно одинок. И, возможно, не случайно, когда в середине 1920-х большинство русских писателей перебрались из Германии в Париж, К. продолжал почти в одиночестве оставаться в Берлине и писать несмотря ни на что. Стихи К. писал в традиционной форме XIX в.; его поэзия отличается исключительной простотой, отсутствием каких-либо формальных новшеств. Сила стихов К. в их романтическом устремлении. Его не интересовали специфические проблемы своей эпохи и своего поколения, и этим он еще больше усиливал свое поэтическое одиночество. Вся поэзия К. была внеисторической, и смысл ее заключался в стремлении подняться над жизнью. Ко всему этому К. отличался высокой самокритичностью и большинство своих произведений, прежде всего прозу, по прошествии времени полностью отрицал. Очень строго подходил он и к своей поэзии. В 1940-х, оглядываясь на прошлое, К. написал: «До последней войны успел выпустить шесть сборников стихотворений, которые ничего, кроме досады, в авторе не вызвали. Исключение — сборник драматических поэм в берлинском издательстве „Слово“» («**Поздний гость**»). Возможно, что отречение К. от ранее созданного и было одной из причин, а может быть, даже единственной, побудившей К. в 1945 сменить свое творческое имя и подписываться под стихами отныне полной своей фамилией, символизируя этим появление совершенно др. поэта.

Упомянутый же К. сб. драматических поэм назывался «**Беатриче**» и состоял, помимо заглавной, из поэм «**Король**», «**Смерть**

Дон Жуана» и «Перед дуэлью» «Его „Драматические поэмы“ меньше всего стилизация. Естественность их до того поразительна, что представляется, что написаны они не про эпоху Возрождения. Драматические поэмы — не только творчество уже вполне зрелого художника, но они и наиболее примечательны и самобытны среди всего созданного Корвиным по ясности, отточенности и легко текущего своего языка, порою заостряемого рифмой, по своеобразию своих персонажей, по насыщенности действием» (Офросимов Ю.). Фабулы поэм К. неодинаковы по сложности и увлекательности. «Перед дуэлью» посвящена последней ночи Пушкина и не дает читателю никаких новых фактов. Фабула «Короля» достаточно традиционна: в борьбе за престол правитель совершает ряд преступлений и даже проливает кровь своего сына. Несколько неожиданным финалом. В классическом виде за всем этим должно следовать возмездие, но оно не приходит, и даже жуткое преступление остается безнаказанным. Несколько сложнее развивается действие в «Смерти Дон Жуана». К. начинает свою драму с пушкинского финала, заставляет своего героя воплотиться в стеклянную роспись святого на кладбищенском своем памятнике и стать свидетелем встреч погруженной в двойной траур донны Анны с Лепорелло. Последний столь умело перенял повадки своего покойного хозяина, что в конце концов обольщает донну Анну, отчего стеклянный Дон Жуан раскалывается и умирает вторично, уже навсегда. Основная же тема драматических поэм К. — смерть и свобода.

После прихода Гитлера к власти К. из Берлина перебрался в Париж, а когда фашисты добрались и туда, вступил в ряды французского Сопротивления, был арестован, но выжил. В тюрьме гестапо в Монлюке близ Лиона сочинял стихи, которые не мог положить на бумагу и записал по памяти после освобождения и возвращения в Париж. Эти стихи составили основу новой поэтической книги К. **«Воздушный змей»**: «Сборник — подлинно органичен. Тематика и характерна поэтического материала глубоко характерны для господствующего в зарубежной поэзии настроения ухода из реальности... Каждое стихотворение Пиотровского не есть, конечно, абсолютная удача, но его уровень настолько высок, что придирки тут мало интересны» (Тверской П. [проф. Н. Андреев]. Полет на ломаной кривой // Грани. 1951. № 12).

На сб. «Воздушный змей» отозвался и Ю. Иваск: «Это очень умелый, остро наблюдательный поэт, но в его упругих ямбах

нет трепета поэзии. Его тонкие гравюры — „Карусель“, „Чиновник на казенном стуле“ — не трогают. Он умеет отлично показывать вещи, но у него нет дара создавать лирическую атмосферу — дара, который был у его учителя Ходасевича» (Новый ж. 1951. № 25. С. 303).

После Второй мировой войны К., подобно мн. русским эмигрантам, некоторое время состоял в «советских патриотах», участвовал в просоветских газ. и даже подумывал о возвращении на родину. 11 окт. 1945 И. Бунин писал М. Алданову: «На днях поэт Корвин-Пиотровский позвал меня на „литературную чашку чая“; я согласился и поехал и застал у него С. К. Маковского, Ладинского, Ставрова. А затем приехал вдруг советский консул Емельянов и советник посольства Гузовский» (Октябрь. 1996. № 3).

Ни И. Бунин, ни К. в Россию так и не поехали. К. уехал в Америку, где сотрудничал главным образом в «Новом ж». В Америке К. вновь наряду со стихами писал прозу — **«Рассказ пожилого человека»** (1953), **«Признание»** и **«Измена»** (1959), **«Разговоры без продолжения»**, **«Лунные пятна»**, **«Заклинания призрака»**, **«Охотник за бабочками»**, **«Моя деревня»**, **«Счастье»**, **«Флоренция»** (1960).

В 1960 в Париже вышел последний прижизненный сб. стихов К. **«Поражение»**, в который автор включил 4 поэмы, в т. ч. и поэму о детстве **«Золотый песок»** и 12 **«Стихотворений о России»**. «Книга литературно своеобразна и причудлива, а духовно не лишена некоторой надменности. Она не рассчитана на чтение рассеянное и как будто заранее отталкивает тех, кто собирался бы ее только перелистать, „пробежать“. Но в ответ на внимание она обещает и ум, и воображение, и чувство» (Адамович Г. Стихи Вл. Корвин-Пиотровского // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1960. 10 апр.).

Когда спустя 6 лет К. скончался, некрологи ему посвятили Т. Фесенко (Новое русское слово. 1966. 13 апр.), К. Померанцев (Русская мысль. Париж. 1966. 3 июня), Гл. Струве (Русская мысль. 1966. 11 июня), Р. Гуль (Новый ж. 1966. № 83), Ю. Офросимов (Новый ж. 1966. № 84). «Мастер точного и крепкого стиха», К. «явно многому научился у Ходасевича... Есть у него кое-что общее и с Набоковым, но он гораздо проще. Иногда слышатся в его стихах интонации из „Урны“ Андрея Белого, иногда тягучевское (например, стихотворение „Темнеет небо понемногу“). Есть отголоски Баратынского и Осипа Мандельштама... Тем не менее у Пиотровского множе-

ство счастливейших стилистических находок, и сам он — одна из запоздалых счастливых находок зарубежной поэзии» (Струве Г.— С. 361–362).

Соч.: Поздний гость: Стихи, поэмы, драматические поэмы: в 2 т. Вашингтон, 1968–69.

Лит.: Вильчковский К. О поэзии В. Корвин-Пиотровского // Возрождение. Париж. 1956. № 53; Померанцев К. [Рец. на сб. «Поражение»] // Мосты. 1964. № 4; Офросимов Ю. Против течения: О поэзии В. Корвин-Пиотровского // Новый ж. Нью-Йорк. 1960. № 61; Струве Г. Русская лит-ра в изгнании. 2-е изд. Paris, 1984. С. 172–173, 361–362; Витковский Е. Те же... и Корвин-Пиотровский // Совр. драматургия. 1990. № 2.

В. В. Попов

КОРЖАВИН Наум (настоящее имя Наум Моисеевич Мандель) [14.10.1925, Киев] — поэт, драматург.

На формирование К. как человека и поэта большое влияние оказали родители. Отец, всю жизнь мечтавший о хорошей специальности, ушел из замкнутого религиозного мира, хотя «воинственного характера его атеизм не имел». Перепробовав множество профессий, в 50 лет окончил техникум, но по специальности (контролер ОТК) работал только во время войны, позже был переплетчиком. Будучи типичным самоучкой, отец К. научил своего сына «умению быть объективным, стремиться понять другую сторону, просто других людей, без чего не существует ни художника, ни личности вообще» (**В соблазнах кровавой эпохи**. С. 165). Отвращение к «плакатному изображению истории» у К. тоже от отца.

«Представление о том, что жизнь не должна ограничиваться прожитием, было усвоено мной с детства именно благодаря матери» (**В соблазнах кровавой эпохи**. С. 180). Врач по профессии, она, несмотря на привычку к экзальтации, способствовала формированию в К. важного мировоззренческого и эстетического принципа: «Духовное наполнение жизни надо находить не в ошалелом стремлении к некоей конечной (и уже потому ложной) общественной цели (к земному раю), а в чем-то другом — в одухотворении повседневного» (**В соблазнах кровавой эпохи**. С. 180). Поэт неоднократно подчеркивал, что путь, по которому он пошел в жизни, проложен родителями.

В 13 лет шестиклассником К. пришел на занятия лит. кружка, с невероятным упорством сочиняя стихи и в школе, и дома. Наиболее удачным было стих. о знакомой девочке

Н. М. Коржавин

«**Жуча**», его К. читал посещавшим Киев московским литераторам — Н. Асееву, И. Эренбургу и др. Страстно увлекался Маяковским, который был в поэзии его первой любовью, подражал ему, пытаясь «скандалить» и в стихах, и в поведении, хотя это противоречило самой природе К. Для молодых начинающих киевских поэтов Маяковский был отголоском романтической революционной эпохи, свидетельством того, что она продолжается и в 1930-е. Кроме того, Маяковский привлекал «тотальным антимещанским пафосом», защитой любви и поэзии, утверждением, что «в поэзии любые общественные чувства должны иметь личную (точней, личностную) подоплеку» (**В соблазнах кровавой эпохи**. С. 145). Через Маяковского и в связи с его творчеством вышел К. на др. поэтов — Пушкина, Ахматову, Блока, Пастернака.

В 1941 К. вместе с семьей эвакуировался из Киева и до весны 1944 жил в пос. Симский Завод (потом г. Сим) Челябинской обл.

О довоенном Киеве, своем детстве и юности К. рассказал в автобиографической повести «**В соблазнах кровавой эпохи**» (1980–91), в ней отражен напряженный духовный опыт и основные этапы внутренней и внешней биографии. Стихи молодого К. стали известны и популярны в молодежных аудиториях послевоенной Москвы, когда он — с 1945 студент Лит. ин-та — часто читал их перед слушателями и сумел в своих полудетских стихах сказать о «повальном страхе тридцать седьмого года», в них звучала крамольная нота в попытке анализа трагедии времени. Ранние стихи К. близки лирике «лобастых